

RU

Сакрализация врачебного рецепта: эволюция жанра от античности до византийской эпохи

Ожирельев Н. В.

Аннотация. В представленной статье рассматривается, как врачебный рецепт изменялся от античного пошагового протокола к византийскому тексту с ритуальными элементами. Цель – показать, какие стандартные «модули» (обращения к Богу и святым, число словесных повторений, жесты, графические знаки) добавлялись к устойчивому фармакологическому ядру и как они распространялись между греческими, латинскими и славянскими традициями. Используются историко-филологический и типологический анализ, сопоставление рукописей и вариантов формул. Новизна данного исследования состоит в концептуализации рецепта как модульной структуры, когда «вещественная» часть остаётся неизменной, а ритуальные блоки надстраиваются и стандартизируются. В ходе этого исторического процесса рецепт трактуется как перформативный компонент терапии, способный задавать и структурировать лечебную практику. В статье показано, что сакрализация не заменяла рациональные компоненты рецептуры, а поддерживала их применение и передачу в монастырской и домашней практике. В результате предложенный подход позволяет по-новому описывать эволюцию рецептов и применять его для сравнительных исследований, в том числе в сопоставлении со славянскими и арабскими медицинскими традициями.

EN

Sacralization of medical prescriptions: evolution of the genre from Antiquity to the Byzantine era

N. V. Ozhirelyev

Abstract. This paper examines the evolution of medical prescriptions from ancient step-by-step protocols to Byzantine texts incorporating ritual elements. Its aim is to demonstrate which standard ‘modules’ (such as invocations to God and saints, numerical repetitions, gestures, and graphic symbols) were added to the stable pharmacological core, and how these elements diffused across Greek, Latin, and Slavic traditions. The study employs historical-philological and typological analysis, comparing manuscripts and variations of formulas. The novelty of this research lies in conceptualizing the prescription as a modular structure, where the ‘substantive’ part remains constant, while ritualistic blocks are layered on and standardized. Throughout this historical process, the prescription is treated as a performative component of therapy, capable of shaping and structuring medical practice. The article demonstrates that sacralization did not replace the rational components of prescription, but rather supported their application and transmission in monastic and domestic practice. Consequently, the proposed approach offers a novel way to describe the evolution of prescriptions and can be applied to comparative studies, including those involving Slavic and Arabic medical traditions.

Введение

Актуальность. Медицинский рецепт – базовый жанр прикладного научного письма античности и средневековья, где сходятся фармакологическое знание и «технологическая грамматика» лечебного действия. Классико-филологическая и историко-медицинская традиция подробно реконструировала рациональную матрицу античной рецептуры (диагноз, состав, приговление, дозы) и проследила эволюцию номенклатуры веществ, мер и процедур у Гипократа, Цельса и Галена, а также у позднеантичных систематизаторов – Орибазия и Павла Эгинского (Jouanna, 1999; Temkin, 1973; Debru, 1997; Lloyd, 2003; Eijk, 2005; Scarborough, 1996; Totelin, 2007; 2009; Staden, 1989). Параллельно сформировался корпус исследований «пограничных» практик поздней Античности, фиксирующий включение заклинательных формул, амулетов, письменных и водных процедур и иных апотропейных средств в рецептурный массив (The Greek Magical Papyri..., 1986; 1992; Sammonicus, 1916; Pseudo-Apuleius, 1927; Asad, Druille, 2021; Crisafulli, Nesbitt, 1997). В ранневизантийский

и средневековый периоды византиноведческие и славистические работы убедительно показали христианизацию формы рецепта: инвокации Троицы, призывания святых, регламентацию кратностей чтений и жестов, интеграцию лечебных действий в литургический и паралитургический порядок (Touwaide, 2010; 2016; Zipser, 2009; Lehmhaus, Martelli, 2017; Oberhelman, 2012; Цибранска-Костова, 2011; Cibranska-Kostova, Mircheva, 2012; Яцимирский, 1913; Delehay, 1909; 1933; Dagron, Déroche, 1989).

Несмотря на обилие исследований, историография пока не выработала целостной объяснительной модели перехода от утилитарного протокола к ритуализованному тексту. Такая модель должна рассматривать вербальные, жестовые и графические элементы как стандартизируемые модули и проследить их межъязыковую миграцию между греческим, латинским и славянским корпусами. Существующие подходы воспроизводят две устойчивые редукции. Во-первых, они противопоставляют «рациональное» и «магико-молитвенное», трактуя сакральные элементы как внешнюю надстройку, а не как структурный компонент технологии рецепта (Nutton, 2012; Scarborough, 2010). Во-вторых, «рационализация» описывается телологически – как линейное вытеснение «суеверий», тогда как рукописная традиция демонстрирует длительное сосуществование и кооперацию вещественного и вербально-ритуального уровней, а также их совместную регламентацию (Touwaide, 2010; Lehmhaus, Martelli, 2017; Zipser, 2009).

Недоработаны ключевые текстологические узлы: (1) механизмы стандартизации ритуальных блоков (инвокации, кратности, жесты, письменноводные практики) и их интероперабельность между греческим, латинским и славянским корпусами; (2) стемматическое и вариативное картирование формульных лемм – траектории модификаций и «миграций» формул между текстовыми семействами; (3) кодикологическое измерение – статус маргиналий, крестов, христовграмм и иных графических сигнатур как носителей инструкций исполнения; (4) социальная функция сакрализации как институционального механизма сохранения, легитимации и тиражирования рационального ядра рецепта в монастырской и домашней среде.

Гипотеза. Сакрализация рецепта – это не внешнее «украшение», а внутренний, модульный механизм исполнения. К типовым модулям относятся: инвокация (обращение), кратность (сколько раз читать), жест (крест, дуновение и т. п.), надпись – ношение текста и «написать – смыть – выпить». Эти модули стандартизируют выполнение рецепта и придают ему легитимность, благодаря чему рациональное фармакологическое ядро легче сохраняется и распространяется в традиции.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: типологизировать стадии развития рецептурной формы (античная рациональная, позднеантичная «натуромагическая» – апотропейная; византийская компилятивно-ритуальная); реконструировать инструктивное описание ритуальных модулей (инвокации, кратности, жестовые действия, письменноводные процедуры, ношение и инскрипция текста) и описать их регламентацию; выявить, как и через какие каналы стандартизируются и «перекочёвывают» ритуальные модули между греческими, латинскими и славянскими текстами (в том числе через переводы, работу скрипториев и литургическую практику); сопоставить словесно-ритуальные элементы с фармакологическим ядром на показательных примерах (язвенные пластыри, амулеты от лихорадки), чётко обозначив, где они взаимодействуют и каковы допустимые границы вариаций; уточнить роль сакрализации в обеспечении социальной валидности и мемориальной устойчивости рецептур (монастырская и домашняя практика, встраивание в евхологические, требниковые контексты).

Применяются следующие методы: (1) историко-филологический и типологический анализ для описания форм рецепта; (2) стемматический и вариативный подход для отслеживания «семейств» формул и их изменений; (3) анализ перформативной функции текста (как он участвует в действии рецепта); (4) кодикологическое изучение рукописных помет и графических знаков как инструкций исполнения; (5) межкорпусные сопоставления греческих, латинских и славянских материалов для выявления каналов миграции и стандартизации ритуальных модулей. Такой дизайн обеспечивает сопоставимость данных и обоснованность выводов о модульной структуре рецепта.

Исследование опирается на широкий корпус источников: античные медицинские трактаты (Гиппократ, Цельс, Гален), позднеантичные компиляции (Орибазий, Павел Эгинский), греко-египетские магические папирусы, латинские «пограничные» авторы (Кв. Серен Саммоник, Пс.-Апулей), а также византийские евхологии и ятрософии и южнославянские требники и лечебники. Такой набор позволяет проследить и «рациональное» ядро рецептов, и ритуальные надстройки в разных традициях и жанрах.

Современная историография античной медицины в значительной мере согласна с тем, что рецептура в греческом и латинском корпусах оформляется как технологическая инструкция с чёткой процедурной логикой, а не как свободное повествование. Уже для классического греческого массива показано, что предписание мыслится как стандартная единица действия, где правильность лечения обеспечивается последовательностью операций, дозированием и признаками корректного результата. В гиппократовской традиции это особенно заметно. Ядро процедур часто сводится к воспроизводимой триаде «очистить – подсушить – заживить», поддержанной устойчивым набором веществ (мёд, вино, смолы, минеральные соли) и операционными тестами эффективности (Hippocrates, 1995, p. 12–14). На материале трактатов «Об искусстве» и «О древней медицине» Ж. Жуанна показывает, что терапевтика в Гиппократовом корпусе описывается как совокупность правил исполнения. Правильность лечения задаётся дозировками, последовательностью процедур и их причинной обоснованностью, превращая лечение в переносимый и проверяемый стандарт (Joanna, 1999, p. 244, 254–255). Е. Крейк (Craik, 2015, p. 37–42), анализируя жанровую архитектуру корпуса, фиксирует регулярность формульных предписаний и их проверяемость через наблюдаемые признаки, вследствие чего рецепт выступает как единица действия, а не как описательная заметка. В первых главах своей монографии Л. Тотелин смещает фокус к технологичности. Инвентаризация ингредиентов, описания приёмов смешения и последовательности

операций, а также типовые формулы рецептов демонстрируют модульную структуру предписаний и зависят от двунаправленной устно-письменной передачи фармакологического знания (Totelin, 2009, p. 21-66, 225-258). На основе работ П. ван дер Эйка (Eijk, 2005, p. 15-42) и Г. Ллойда (Lloyd, 2003, p. 17-35) можно сформулировать рабочее понимание рациональности античной медицины: это прежде всего язык правил и процедур, которым обучают и который применяют на практике, а не только набор теоретических идей. Иными словами, лечение считается «рациональным» тогда, когда его шаги, дозы и признаки правильного результата нормированы и воспроизводимы.

Латинская традиция развивает ту же линию процедурной нормировки, но делает её ещё более явной в композиции текста. У Цельса рецепты оформлены как чёткие протоколы. Указаны ингредиенты с нормированными дозами, порядок приготовления, «тесты готовности» и признаки правильного результата. Лозбовское издание с переводом Спенсера наглядно демонстрирует, что сама форма записи у Цельса – это предписание со встроенной последовательностью шагов и минимизацией неоднозначности исполнения (Celsus Aulus Cornelius, 1938, p. 20-23). В статьях В. Наттона, посвящённых античной терапии и римской медицине, рецепт фактически описывается как технология лечения: совокупность операций с заданными дозами, последовательностью действий и «приметами готовности», а не просто перечень ингредиентов. Дозы, порядок операций и признаки правильного результата в его интерпретации выступают как ранний стандарт качества, который делает практику передаваемой и воспроизводимой (Nutton, 1991, p. 13-22; 2012, p. 534-542). Дж. Скарборо уточняет механизм этого стандарта. На римском материале он показывает, что рецепт функционирует как связка «вещество + операция», где перечни ингредиентов сразу встроены в пошаговую процедуру приготовления и применения. Такое построение повышает проверяемость результата и облегчает контроль отклонений при изготовлении средства (Scarborough, 1996, p. 75-98).

Особое место занимает Гален, который соединяет рецептуру с теорией измеримых параметров и развёрнутой метрологией. В его трактатах рецепты опираются на «степени действия», качества (тепло, холод, влажность, сухость), количественные меры и температурные режимы приготовления. На материале *Methodus medendi* видно, как показания, выбор средств и сами операции объясняются через общую теорию качеств и меры, что создаёт прозрачный «язык фармакологии» и дисциплинирует практики смешения, нагревания и выдержки (Galen, 2011; Debru, 1997, p. 3-33). В своей монографии об истории галенизма О. Темкин показывает, что нормирующий каркас галеновской медицины – система «степеней» действия, мер и технологических предписаний – сохранял эффективность в поздней Античности и Средневековье. Именно поэтому рецепты разных эпох остаются сопоставимы через общую шкалу степеней и метрические правила приготовления (Temkin, 1973). Перевод трактата Галена *On Food and Diet* подчёркивает ещё один важный аспект – неразделимость фармакологии и диететики (Galen, 2000) – это издательский заголовок английского перевода и подборки диететических текстов (в т. ч. близких к *De alimentorum facultatibus*), подготовленной М. Грантом. В научном обиходе параллельно используется более буквальный заголовок другого перевода: Galen, *On the Properties of Foodstuffs* (transl. O. Powell, Cambridge UP, 2003). Режим питания и образ жизни задают условия эффективности терапевтических процедур, и это тоже стандартизируемая часть предписания (Galen, 2000, p. XX).

Позднеантичные компиляторы – Орибазий и Павел Эгинский – выступают в роли редакторов технологий, которые унифицируют и типологизируют накопленный материал. В издании *Collectionum medicarum reliquiae* (CMG) у И. Редера видно, как Орибазий собирает формулы в классы лекарственных форм, выравнивает меры, задаёт общий набор «тестов готовности», включая стандарты для смолистых «чёрных» пластырей. Это формирует опознавательную сетку для распознавания правильного результата в разных мастерских и школах (Oribasius, 1928-1933, p. 245). Перевод Ф. Адамса *Seven Books* позволяет проследить у Павла Эгинского прозрачный порядок операций, критерии правильности и практические «приметы» для корректировки доз и консистенций (Paulus Aegineta, 1847, p. 559). А. Тувайде (Touwaide, 2010, p. 81-104) показывает, что подобные компиляции служат инфраструктурой византийского обращения фармакологического знания, создавая «формулярный» слой рецепта – устойчивую связку «состав + порядок приготовления + проверяемые признаки результата», которая облегчает передачу и переиспользование рецептурных блоков в разных контекстах. В целом сборник Л. Лемхауса и М. Мартелли (Lehmhaus, Martelli, 2017), посвящённый позднеантичным и раннесредневековым рецептурным корпусам, демонстрирует, что в этот период не только растёт объём собираемых рецептов, но и усиливается унификация формул предписаний и норм их записи. Это, в свою очередь, облегчает перенос рецептурных единиц между различными школами, языками и корпусами.

Фармакография Диоскорида (*De materia medica*) (Dioscorides, 2005) играет роль «словаря веществ», без которого стандартизация была бы невозможна. Описания вкуса, запаха, «теплоты», поведенческих характеристик ингредиентов при смешении и хранении создают общий код для выбора операций и проверки результата. В обзорных работах А. Тувайде (Touwaide, 2008; 2009; 2016), посвящённых «переписи» и картированию греческих медицинских рукописей, реконструируются каналы передачи этого фармакологического словаря и объясняется, почему терминология сохраняла устойчивость, а рецептурные комплексы оставались связными на протяжении веков, даже при миграциях между языками и традициями. Работы Л. Тотелин (Totelin, 2009, p. 21-66, 225-258; 2007, p. 421-433) уточняют мост между ботаникой и рецептурой. На материале текста *De materia medica* и связанных с ним практик она показывает, как школьное обучение превращало дескрипторы растения в практические признаки «правильного» вещества и «правильной» смеси. Такой переход от описаний к технологическим признакам сокращал неопределённость и повышал повторяемость результатов при приготовлении лекарств.

В обзорной перспективе В. Наттон (Nutton, 2012, p. 534-542) настаивает, что рецептура в античной и римской медицине должна рассматриваться прежде всего как технологический стандарт, организующий

производство и контроль медицинского средства, а не как морально-исторический сюжет развития врачевания. В его интерпретации акцент смещается от смены «мировоззрений» к анализу нормируемых процедур и практик приготовления лекарств. Дж. Скарборо (Scarborough, 2010, р. 19-38) и Х. фон Штаден (Staden, 1989, р. 3-35) связывают развитие фармакологии с ростом экспериментального вооружения врача и с изменением способов записи медицинских знаний. По мере накопления клинического и анатомического опыта протокол рецепта, по их наблюдению, становится жёстче, а язык его проверяемости – яснее и функциональнее, что позволяет лучше контролировать приготовление и применение средств. Эта линия объясняет устойчивость «рационального ядра» рецепта в длинной перспективе – от классики до поздней античности. Базовые операции, меры и признаки правильности переживают сдвиги школ и компиляторские редактуры именно потому, что они встроены в инструментарий исполнения.

Итак, корпус первоисточников и исследовательская традиция сходятся в том, что рецепт в античности – это нормируемая технологическая форма с проверяемыми признаками правильности. Вместе с тем остаются ключевые лакуны: межъязыковая стемматика формул, роль кодикологических «пара-инструкций» и экспериментальная верификация технологических параметров. Настоящее исследование акцентирует эти пробелы через сопоставление греческих, латинских и славянских корпусов, картирование графических сигналов исполнения и реконструкцию измеримых критериев «готовности», чтобы показать, как ритуальные модули институционально поддерживали и легитимировали фармакологическое ядро лечения.

Практическая значимость. В работе предложена двухуровневая модель рецепта: (1) вещественно-технологическое ядро (ингредиенты, меры, операции) и (2) ритуальные модули (обращения, кратности, жесты, надписи). Показано, как эти модули типично присоединяются к рецептам и поддерживают их применение. Разработаны приёмы отслеживания преемственности и «семейств» формул, рукописные пометы трактуются как инструкции к выполнению. Это позволяет точнее описывать и сопоставлять рецепты в изданиях и каталогах и рассматривать рецепт как целостную технологию, где слово и жест дополняют и закрепляют рациональное знание.

Обсуждение и результаты

Исторический путь рецепта можно представить как движение от простого рецепта-инструкции к сложному рецепту-ритуалу. Ниже рассмотрены основные этапы этой эволюции по мере усиления сакрального элемента в рецептурной традиции.

Античная логико-инструктивная форма. Для классической античной медицины (I-II вв. н. э.) характерен логико-инструктивный рецепт, полностью подчинённый рациональной цели. Такой рецепт включал указание болезни или состояния, перечень ингредиентов с указанием их количества и свойств, описание приготовления лекарства, рекомендации по дозировке и применению. Пример типичного рецепта у Цельса – смесь для размягчения уплотнений и созревания гноя. Цельс последовательно перечисляет более десятка компонентов (воск, сок омелы, смола, специи, мирра и т. д.) с указанием долей каждого, затем рекомендует добавить определённую мазь «сколько нужно до требуемой консистенции»: *“Malagma Andriae ... solvit, educit umorem, pus coquit, ac ... prodest in omnibus, quibus calor prodesse potest”* (Celsus Aulus Cornelius, 1938, р. 7-10). / «Смягчающее средство Андрия ... расслабляет (размягчает) ткани, вытягивает соки (гуморы), способствует созреванию гноя и ... полезно во всех случаях, когда тепло может принести пользу» (далее – состав) (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Н. О.). Весь рецепт строго функционален. Каждый ингредиент имеет терапевтическое назначение, а текст информирует врача о составе и способе приготовления. В переводе на русский этот рецепт занимает всего несколько строк, не содержащих никаких обращений к божеству или символических действий – лишь практические указания и меры (смесь на основе воска, смол, мирры с добавлением мази ириса).

У Галена рецепты становятся объёмнее и сопровождаются пояснениями, почему данное средство действует – с опорой на теорию гуморов и качеств (описываются «сухость» или «теплота» ингредиентов). Фрагмент греческого текста у Галена (часть инструкции по приготовлению и употреблению): «ἀνὰ δραχμὰς δ'· λεῖα πάντα ἔχε. ἐπὶ τῆς χρήσεως οὗρον παλαιὸν τριχτὴρὸν ἀνδρὸς ἑνός, μέτρον ξε. β'. βάλε εἰς ὀστράκινην λεκάνην...» (Galen, 1826-1830, р. 840). / «По четыре драхмы каждого (ингредиента). Всё истолки до мелкого порошка. Для употребления возьми старую, просоленную (законсервированную) мочу одного мужчины, в количестве двух ксестов, и вылей её в глиняный таз...». Рецепт сидячей ванны при геморрое у Галена показывает модульную структуру античного рецепта. Диагностический модуль демонстрирует, что рецепт явно привязан к определённому состоянию – геморрою (геморроидальным узлам), о чём говорится в заголовке-подводке: сидячая ванна «при геморрое». Это задаёт область применения. Далее следует список веществ с точными количествами: по четыре драхмы различных медных и мышьяковых соединений (χαλκάνθων, στυπτηρία, χαλκίτις, μίσι, σανδαράκη и др.). Это – ядро фармакологического протокола. Гален предписывает: всё растолочь до мелкого порошка, отмерить часть порошка, развести определённым объёмом «старой солёной мочи» в глиняной посуде. Здесь прописана технологическая последовательность операций и «тесты правильности» (консистенция, объём). Наконец, задаётся режим применения данного рецепта. Больной должен сидеть в этой смеси семь дней подряд, а загустевшую массу затем используют для смазывания ануса. То есть норма длительности курса и способ нанесения включены в текст так же жёстко, как и состав.

Таким образом, античный рецепт отражает античную рациональность. Текст рецепта – носитель знания, подлежащего применению, но не носитель собственной силы. Ни заклинаний, ни молитв, ни иных обрядовых элементов в классических медицинских сборниках не встречается.

Магико-апотропейная форма (поздняя Античность). В эпоху поздней Римской империи (III-V вв.) в рецептуру начинают проникать магические и апотропейные элементы. Авторы-«натуромаги» – такие как Квинт Серен Саммоник, Псевдо-Апулей – дополняют рецепты вставками, не связанными напрямую с фармакологией средства. В текстах рецептов появляются заклинательные формулы, криптограммы, визуальные символы, цель которых – отгонять зло или усилить действие лекарства за счёт «магии слова». Хрестоматийный пример – формула “Abracadabra” у Кв. С. Саммоника (III в. н. э.). В своём сочинении *Liber medicinalis* Саммоник приводит рецепт от лихорадки, где велит написать слово *Abracadabra* столбиком, убирая последнюю букву в каждой строке до образования конуса из букв, и носить эту запись на шее в льняном мешочке. Латинский текст рецепта: “*Inscribas chartae, quod dicitur abracadabra, saepius et subter repetas, sed detrahe summam, et magis atque magis desint elementa figuris, singula, quae semper rapies, et cetera figes, donec in angustum redigatur litera conum; his lino nexis collum redimire memento*” (Sammonicus Quintus Serenus, 1916, v. 1-6). / «Напиши на папирусе слово “abracadabra” и повторяй его под ним снова и снова, каждый раз убирая верхнюю букву, чтобы в этой фигуре всё больше исчезали элементы: по одной букве ты всегда будешь отнимать, а остальные записывать, пока надпись не сузится в узкий конус из одной-единственной буквы. Связав эту запись льняной нитью, помни – ей нужно опоясать шею (больного)». По сути, это инструкция по созданию амулета. Считается, что вместе с визуальным «таянием» слова *Abracadabra* в талисмани будет убывать и болезнь. Ещё пример у Саммоника: при кровотечении он рекомендует произнести специальное заклинание – фразу, сравнивающую остановку крови с остановкой мельничного жернова: “*haec simul incantans: sisti debere cruorem, ut lapis ille vivae solitos iam destitit orbes*” (Sammonicus Quintus Serenus, 1916, p. 29-30). / «произнося при этом: “кровь должна остановиться, как тот мельничный камень у дороги уже прекратил свой обычный оборот”». Здесь слово вводится в рецепт как необходимая часть лечения наряду с веществом.

В трактате Псевдо-Апулея (IV в.) почти каждая глава о лекарственных травах сопровождается ритуальной инструкцией. Перед сбором травы нужно совершить омовение, соблюдать молчание, произнести молитву: “*Nunc vos potentes omnes herbas deprecor; exoro maiestatem vestram, quas parens tellus generavit et cunctis dono dedit: medicinam sanitatis in vos contulit maiestatemque, ut omni generi humano sitis auxilium utilissimum. Hoc supplex exposco et precor: velocius huc adeste cum vestris virtutibus, quia, quae creavit, ipsa permisit mihi ut colligam vos; favit hic etiam, cui medicina tradita est*” (Pseudo-Apuleius, 1927, p. 289-298). / «Произноси это заклинание, но будь очищён (чист) до восхода солнца, и так собирай траву в августе ... “Теперь призываю вас, могучие все травы; обращаюсь к вашему величию – к вам, которых породила мать-земля и даровала всем (народам). Она вложила в вас целительную силу и власть, чтобы вы были наибольшей помощью для всего человеческого рода. Смирненно прошу и молю: скорее придите сюда со своими силами, ибо та, что сотворила вас, сама дозволила мне собирать вас; благоволит и тот, кому вручено врачебное искусство”». Наряду с описанием самого растения и его действия автор предписывает обряд чистоты и молитвенный текст. Эффективность лекарства, по мысли автора, зависит от симпатической магии. Правильно выполненный ритуал обеспечит нужный эффект. В доказательство приводятся указания записывать слова, носить их на теле либо растворять в питье. Например, в позднеантичных и византийских рецептах встречается приём написать молитву на материале, смывать чернила в воду и дать выпить больному. Такая практика «напиши – смой – выпей» зафиксирована уже в греко-египетских магических папирусах (III-IV вв.). В одном из примеров предписано написать формулу на папирусе и семь раз смывать её в воду, которую затем выпить натошак. Далее следует рецепт специальных «чернил» для этой записи (The Greek Magical Papyri..., 1986; 1992). Эти примеры подтверждают, что магико-апотропейный рецепт – это синтез лекарственного текста с обрядом, где слово и письменный знак выполняют защитную и целительную функции наравне с зельем.

Таким образом, в позднеантичную эпоху возникает новая форма – рецепт-заклинание. Он сохраняет фармакологическое ядро, но включает дополнительные элементы – магические вербальные формулы, амулеты, символические действия, – призванные отогнать болезнь. Слово впервые начинает мыслиться как агент исцеления, наделённый собственной силой. Это отражает изменение ментальности. Там, где рациональная медицина оказывалась бессильна перед недугом, на помощь призывались ритуал и слово, дававшие больному и врачу ощущение контроля над ситуацией. Магические модули легко присоединялись к рецептам, не отрицая их субстанции, но дополняя сакральным «интерфейсом».

Рецепт как молитвенная формула (ранняя Византия). Следующий этап связан с христианизацией культуры и датируется примерно VI-VII вв. Византийский рецепт этого времени почти всегда включает молитвенную вставку или призыв к Богу. После Миланского эдикта (313 г.) и особенно ко временам Юстиниана медицина в Византии во многом переходит под эгиду монастырей и церковных институтов. Рецепты начинают содержать именословия и молитвы. В сочинении врача Аэция Амидского (VI в.) находим пример рецепта-заклинания с именем Христа. Аэций, описывая, что делать, если в горле застряла рыба кость, помимо физической манипуляции предлагает произнести особое обращение: “*Aliud. Ad eductionem eorum, quae in tonsillas devorata sunt. Statim te ad aegrum desidentem converte, ipsumque tibi attendere iube, ac dic: "Egrederere os!" . Si tamen os, aut festuca, aut quicquid tandem existit: "Quemadmodum Iesus Christus ex sepulchre Lazarum eduxit, et quemadmodum Iona ex ceto." Atque adprehensio aegri gutture dic: "Blasius martyr et servus Christi dicit: aut ascende, aut descende!"* (Aetius of Amida, 1549, f. 435r). / «Другое. Чтобы извлечь то, что было проглочено и застряло в миндалинах. Тотчас сядь рядом с больным, заставь его внимательно смотреть на тебя и скажи: “Выйди, кость!”. Если же кость, щепка или что-нибудь иное наконец покажется, произнеси: “Как Иисус Христос вывел Лазаря из гроба и как (был выведен) Иона из чрева кита”. И взяв горло больного рукой, скажи: “Мученик Власий, слуга Христов, говорит: или поднимись, или опустись!”». Здесь в инструкцию врача встроена молитвенная речь – обращение к Христу напрямую или через святого (св. Власия). Рецепт приобретает характер просьбы к высшей силе, превращаясь из монолога врача в диалог с сакральным миром.

Кроме того, византийские рецепты нередко сопровождаются требованиями к духовному состоянию пациента. Указывается, что перед лечением больной должен исповедаться, соблюдать пост, прочитать определённый псалом. Медицинский акт включается в литургический контекст – лечение соотносено с таинствами и церковным календарём. Например, в евхологиях (молитвословах) существовали специальные молебны против чар (*εὐχαὶ κατὰ φαρμάκων* – в значении колдовства). Они предписывали перед началом чтения очиститься постом и исповедью, прочесть покаянный Псалом 50 (*Euchologion sive Rituale...*, 1730, р. 522-530). В чудесах св. Артемия (VII в.) описано, как больные перед исцелением проводили ночь в храме, постились, молились, возлежали у мощей святого – т. е. сочетали паломнический ритуал с лечением (*Miracula Sancti Artemii*, 1909, р. 26-28). Фактически складывается представление, что успех лечения зависит не только от мазей и питья, но и от духовного настроя, от участия Божьей благодати.

К VI-VII вв. входит в норму включать в рецепт хотя бы краткую молитвенную формулу: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...», «Помози, Господи...», «Иисусе Христе, помоги рабу Твоему...» и т. п. Имя Христа или призыв Святой Троицы «освящают» лекарство, превращая рецепт в малую литургию. Врач действует не сам по себе, а как бы призывает Божью помощь на своё средство. Это видно уже в византийских *iatrosofia* (например, у Иоанна Врача и в критском иатрософине). Фармакологические предписания иногда сопровождаются краткими молитвенными формулами, именами святых и указаниями записывать или произносить их при исполнении рецепта (Alexander of Tralles, 1879, р. 375-377; Παπαδογιαννάκης, 2001, р. 20-55; Rupprecht, 1935, р. 9-15; Crisafulli, Nesbitt, 1997, р. 84-90; Oberhelman, 2009, р. 477-501; 2015, р. 133-146; 2012). В житийной литературе того времени появляется мотив «молящегося врача», который лечит молитвой не меньше, чем травами (ср., напр., жития св. бессребреников Космы и Дамиана, великомученика и целителя Пантелеимона, чудеса св. Артемия) (Delehaie, 1909; 1933; Dagron, Déroche, 1989). На этом фоне постепенно формируется пантеон «святых терапевтов», к которым обращаются именно за телесными исцелениями, что подробно показано на материале новогреческой традиции (Παπαδάκης, 2018, р. 383-437). При этом медицина не отвергается – происходит синтез. Например, средство Аэция при застрявшей кости включает реальные физические приёмы (поза, попытка проглотить мякиш, смазка горла жиром), но дополняется молитвой. Этот синкретизм – черта византийской культуры, где земное и небесное взаимопроникают.

Таким образом, молитвенно-заклинательная форма рецепта – дальнейший шаг сакрализации. По сравнению с натуромагическими вставками поздней Античности здесь «магия» уступает место христианской молитве. Вместо обращения к неопределённым силам природы – призыв к Христу, Богородице, святым. Однако функция та же – придание тексту рецепта перформативной силы. Слово теперь не только информирует о лечении, но и само лечит, ибо произносится во имя Божие.

Компилятивно-ритуальная форма поздневизантийской традиции. К XII-XV вв. в Византии формируется наиболее сложная и насыщенная сакральными элементами форма рецепта. Такие рецепты соединяют фармакологию, молитву и магические приёмы и фактически функционируют как «мини-литургии». В поздневизантийских лечебных сборниках (особенно жанра *iatrosofion*) рецепт обычно состоит из нескольких блоков: начало – инвокация с призывом имени Божия или конкретного святого (часто формула «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...»); описательная часть – ингредиенты, меры и способ приготовления (смеси трав, смол, вина, мёда и т. д.); молитвенная часть – текст молитвы или псалма, читаемый во время приготовления или применения; при необходимости – краткое толкование духовного смысла болезни и напоминание о покаянии; обрядовые указания о том, сколько поститься, как наносить или перемешивать лекарство (например, крестом), чем окроплять, какие имена написать и приложить к больному месту и т. д. Такая структура делает рецепт одновременно технологической инструкцией и регламентированным ритуалом, где порядок действий, слова и знаки поддерживают воспроизводимость результата.

Текст такого рецепта мог сопровождаться и графическими символами. В рукописях встречаются нарисованные кресты, монограммы ХР (имя Христово), изображения святых рядом с рецептом. Всё это подчёркивает, что составитель воспринимал рецепт как сакральный документ, который сам по себе уже «работает». Врач или знахарь, следующий такому рецепту, действует «по чину» – почти как священник, совершая таинство исцеления. Пример подобной структуры обнаружен в болгарском сборнике XIV в. (т. н. Зайковский требник). Там приведён рецепт от «водяной болезни» (вероятно, водянки или сильного отёка), который выполняет священник-баятел (то есть священник в роли заклинателя). Структура рецепта такова: инвокация – «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...»; формула – проговорить трижды заговор «на Иордане три ангела...»; обряд – каждое из трёх прочтений совершать над сосудом с чистой водой, каждый раз погружая в воду нож крестообразно (осеняя воду крестом); применение – дать больному выпить эту освящённую воду (Cibranska-Kostova, Mircheva, 2012, р. 114-116). Как видим, лекарством здесь фактически выступает сама молитва над водой, совершаемая священником. В том же сборнике другой рецепт – «за зубы помощь» – предписывает в Великую Субботу сказать трижды «Отче наш» и трижды «Богородице Дево» во славу Бога, Марии и св. Апполонии (покровительницы от зубной боли), после чего использовать приготовленное средство для зубов (Cibranska-Kostova, Mircheva, 2012, р. 120-121). Опять-таки, структура: молитвенная рамка + конкретные ингредиенты + техника применения + благословляющая формула («если Бог даст, будет помощь» говорится после смазывания зубов лекарством).

В поздневизантийских рукописях подобные комбинации встречаются регулярно. Они отражают попытку максимально легитимировать лечение с точки зрения православной культуры. Если античный рецепт базировался на вере в природные силы лекарства, то византийский – на вере в благодать и святость, сопровождающие лекарство. Сакрализация формы, как ни парадоксально, обеспечила выживание античного рецептурного наследия. Множество античных и ранневизантийских средств (например, рецепты Галена, Орибазия, Павла

Эгинского и др.) продолжали циркулировать в византийских и поствизантийских сборниках типа *iatrosophia* и терапевтик, но уже в христианизированной форме. К фармакологическому ядру (отвары, пластыри, мази) добавлялись молитвенные инвокации, имена святых, кресты, указания числа чтений и т. п. (Zipser, 2009; Παπαδογιαννάκης, 2001; Oberhelman, 2012; Touwaide, 2016). В славянской традиции аналогичные сочетания рациональных и ритуальных компонентов задокументированы в врачевальных и апокрифических молитвах, южнославянских «ложных молитвах» и русских рукописных лечебных заговорах, где реальные действия с веществами или телом сопровождаются молитвами, перечнями святых и крестными знамениями (Яцимирский, 1913).

В развитии жанра рецепта прослеживается смена парадигм. Античность породила рецепт как логичный «научный» текст – отражение веры в разум. Поздняя Античность добавила магические элементы – отражение веры в скрытые симпатии природы и силу слова. Византия трансформировала рецепт в малую литургию – отражение веры в Божью благодать и святость. При этом фармакологическое ядро зачастую переходило от эпохи к эпохе почти без изменений, но окружение текста менялось. Этот процесс можно назвать стратификацией – вокруг устойчивого медицинского протокола нарастали пласты ритуального дискурса. Именно благодаря такой модульной адаптивности жанр рецепта оказался удивительно живучим. Он сумел встроиться и в языческую магию, и в христианскую молитву, не утратив своей сути.

Преемственность и модульность рецептурной традиции. Одной из задач нашего исследования было проследить преемственность конкретных рецептов и формул от эпохи к эпохе. Как показывают приведённые примеры, фармакологическое ядро нередко оставалось стабильным, тогда как ритуальная надстройка менялась. Важно понять, что сохраняется неизменным в рецептах, а что трансформируется, а также механизм «модульной» передачи текстовых элементов. Прежде всего, неизменным остаётся практический каркас лечения – набор ингредиентов и базовых действий (рациональное ядро). Классический пример – рецепты для лечения гнойных ран и язв. Уже Гиппократ (V-IV вв. до н. э.) в трактате «О язвах» рекомендует сходные приёмы, что и более поздние врачи: промывать язву вином, подсушивать её вяжущими веществами, затем прикладывать смягчающие и заживляющие повязки на винно-медовой основе (Hippocrates, 1995, p. 4-6). Его рецепты очень просты: мёд, вино, смола, ладан, медный купорос – ничего лишнего, без точных дозировок (развитая весовая система ещё не сложилась). Главный принцип – очистить, подсушить и затем стимулировать заживление.

Проходит почти тысячелетие – и византийские врачи применяют те же составы, лишь усложняя их и вводя термины. Показательный пример – пластырь, который в позднеантичной и византийской традиции обозначается заголовками τὸν Ἡρα Βάρβαρος / Βάρβαρος Ἡρα и Ἡρα Καππάδοκος Βάρβαρος. Далее условно будем называть его «варварская Гера» (буквально: «Гера-варварка», *Hera barbaros*) (Galen, 1826-1830, p. 557-560; Oribasius, 1928-1933; Aetius of Amida, 1549; Paulus Aegineta, 1847). Это классический «чёрный» агглютинативный пластырь для кровоточащих, язвенных поражений. Его ядро – смолисто-восковая матрица + кислая фаза + минеральные порошки + ароматические смолы. Основа: битумоподобная смола и пчелиный воск. Кислая фаза: чаще уксус (иногда кислое вино). Минеральные компоненты: свинцовые или медные соли (церусса, литаргия, μίση, χαλκάνθων и т. п.). Ароматические, вяжущие вещества: ладан, мирра, иногда смиренная смола и пр. Технология: ингредиенты томят на мягком огне, вводят уксус до «тягучести», затем постепенно подсыпают порошки до получения чёрной, блестящей, липкой массы. «Приметы готовности» у Галена: липкость «держится на ногте», однородность, чёрный блеск, пластичность – то есть средство не растекается, но хорошо прилипает к повязке и коже. Откуда пошёл этот рецепт и как называли его в разное время? Гален (II в.) описывает архетип рецепта в *De compositione medicamentorum per genera*. У него это прежде всего технологически нормированный пластырь с чёткими тестами готовности (Galen, 1826-1830). Орибазий (IV в.) переносит формулу в свои экстракты и даёт заголовок Βάρβαρος ἑναισος, что буквально значит «кровавый (кровоточащий) варвар», что хорошо согласуется с контекстом лечения кровоточащих поражений (Oribasius, 1928-1933). Аэций Амидский (VI в.) использует вариант Ἡρα Καππάδοκος Βάρβαρος – «Гера Каппадокийская, варварская». Это переименование при том же фармакологическом ядре (Aetius of Amida, 1549). Павел Эгинский (VII в.) включает рецепт в систематику пластырей по «степеням сухости» под названием Βαρβάρα (женский род как название группы), «вписывая» средство в формуляр: как греть, когда вводить уксус, до какой сухости доводить (Paulus Aegineta, 1847). В новейших англоязычных изданиях сирийского медицинского сборника тот же пластырь описывается под условным заголовком *Apostles' Ointment* (так его обозначают редакторы и переводчики), при этом состав и «приметы готовности» остаются теми же, меняется только символическая рамка (Wallis Budge, 1913, vol. I, p. 152-153; vol. II, p. 165-166; Asad, Druille, 2021, p. 11-38). Рецепт наглядно показывает модульность передачи. Устойчивое вещество-технологическое ядро (ингредиенты, режимы, тесты готовности) сосуществует с варьируемой «обёрткой» (название, эпитет, культурно-религиозная рамка). Именно так рецепт «живёт» веками: меняются слова вокруг него, а техника – почти нет.

Это пример христианизации номенклатуры без вмешательства в технологическое тело рецепта. Меняются символическое имя и рамка применения (благословление, именование святых), но не последовательность операций и не тесты готовности. Проще говоря: у всех этих авторов рецепт, по сути, один и тот же – из тех же веществ и готовится теми же приёмами. Меняются в основном названия и «ярлыки» (сначала местные, потом религиозные), а сама технология – что и как смешивать, до какой густоты доводить, по каким признакам понять, что всё готово – остаётся прежней. Это как конструктор: твёрдое «техническое ядро» неизменно, а подписи и обрядовая обёртка могут меняться. Современные исследователи констатируют, что проверенные композиции кочевали почти без изменения, переносясь из античных источников в византийские с минимальными вариациями (Touwaide, 2010; 2016; Lehmann, Martelli, 2017; Zipser, 2009; Totelin, 2009).

Менялась технологическая «грамматика» рецепта – способ описания и обоснования. Гиппократов текст был лаконичен: «возьми мёд, вино, смолу, смешай и приложи». Галеновская интерпретация вводит веса, температуры, степени (например, «сухости второй степени»). Позднеантичные и византийские рецепты вводят типологии и критерии готовности – вроде указания «варить, пока мазь не перестанет пачкать пальцы». У рецептов появляются имена собственные (названия вроде *Ἐναιμος*, «Барбарос Гера»), а иногда – даже христианизированные названия. Пример, когда сирийский перевод того же пластыря назван «мазью апостолов», хотя состав остаётся греческим. Таким образом, фармакология переходит из текста в текст, сохраняя ядро (набор ключевых ингредиентов: смолы, воск, вино, уксус, медный купорос и т. д.), но меняя «обрамление»: терминологию, пропорции, систему мер и – в отдельных случаях – символическое название.

Исторический смысл этого явления – сохранение непрерывности опыта. Пока сохранялось ядро (действенный метод), рецепт переписывали снова и снова, приспособлявая к новым реалиям. Сакрализация выступает как средство интеграции старого знания в новую культурную парадигму. Благодаря сакральному обрамлению древние рецепты не казались устаревшими – напротив, их читали как часть живой религиозной практики. Тем самым сакральная форма стала гарантией сохранности содержания. Рецепты кочевали по монастырям и деревням, становясь элементом народной религиозности, а не только медицины.

Миграция ритуальных модулей. Новые элементы рецептов – заклинания, молитвы, жесты – не существовали изолированно. Можно говорить о формульных модулях, которые переходили из текста в текст почти независимо от конкретного рецептурного контекста. Наш анализ множества греческих и славянских рукописей показывает, что такие стабильные формулы действительно мигрировали между разными статьями, образуя универсальные блоки. Например, формула «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...» встречается в огромном числе рецептов – от головной боли до болезней скота – на протяжении веков и в разных регионах. Очевидно, она воспринималась как необходимое условие «православности» любого лечебного действия. Иными словами, троичная инвокация превратилась в своеобразный штамп, модуль, открывающий обряд.

Аналогично, универсальна изгоняющая формула типа «*Изиди, нечистая хворь...*». Её можно встретить рядом с рецептами от зубной боли, лихорадки, испуга, укуса змеи – хотя недуги разные, текст заклинания один и тот же. Видимо, составителям сборников важнее было включить саму формулу, нежели подбирать её под болезнь. Формулы жили собственной жизнью, перетекая из одного рецепта в другой независимо от «вещественного» компонента лечения. Это похоже на комбинаторику модулей. Рецепт – конструкция, к которой можно «прикрутить» тот или иной стандартный вербальный блок. На греко-славянском материале это особенно наглядно. В южно-славянских заговорах предписано начинать лечение тройным «Во имя Отца...», затем повторить ключевую формулу несколько раз (например, 3, 9 или 12) и при каждом повторе совершать жест – крестное знамение, троекратное дуновение или плевок, прикосновение ножом крестообразно. Типичная запись: «прочти девять раз “Во имя Отца и Сына и Св. Духа”, каждый раз сделай крест ножом; если больной рядом – дай ему хлеб и вино...». Тексты разных рукописей единообразны. В болгарских сборниках XIV–XVII вв. сочетание «инвокация + кратность + жест» повторяется в рецептах от самых разных недугов, что говорит о стандартизации данного ритуального блока (Cibranska-Kostova, Mircheva, 2012; Яцимирский, 1913; Цибранска-Костова, 2011).

Византийская литургическая практика стимулировала стандартизацию вербальных вставок. «Псалмы на всякую потребу» снабжались инструкциями типа «читай 3 раза, знаменуя крестом; напиши и носи при себе» и затем переходили в лечебники как готовые блоки. Формула изгнания «*Ἐξέλθε, πνεῦμα πονηρόν...*» функционировала и в чинах экзорцизма, и как краткая приставка к рецепту (с повторами, жестами), причём без привязки к диагнозу – её применяли при укусах, лихорадке, детском испуге. Так вербальный модуль становился «глобальным», а лекарственная часть – локальной. В ятрософиях рядом с ингредиентами нередко давали инструктивный модуль слова: кому молиться, сколько раз читать, как крестить воду или мазь, когда проводить обряд. Иными словами, «сила слова» стандартизировалась почти технично (именословие + кратность + жест) и могла механически присоединяться к любому средству, обеспечивая межрегиональную общность текстов.

Полученные данные позволяют уточнить динамику развития врачебного рецепта в средиземноморской письменной традиции. На античном материале видно, что рецепт изначально функционирует как строго организованный протокол. Он задаёт последовательность действий, дозы, режимы приготовления и измеримые признаки «правильного» результата. Гиппократовские и цельсовские тексты демонстрируют, что уже в ранней рациональной медицине сформирована устойчивая логика «операция → тест готовности → ожидаемый эффект», а слово выполняет прежде всего описательно-нормативную функцию.

Позднеантичный слой не отменяет этой структуры, а наращивает поверх неё натуромагические и апо-тропейные элементы. В рецептах Галена, Диоскорида и их компиляторов появляются более сложные комбинации веществ и операций, но критерии воспроизводимости (консистенция, цвет, «степени действия», температурные режимы) остаются ключевыми. Добавление вербальных формул, указаний о чистоте, времени и месте исполнения не заменяет фармакологическое ядро, а расширяет диапазон средств, через которые врач может контролировать и объяснять процесс лечения.

В византийской компилятивно-ритуальной традиции к этому ядру последовательно присоединяются стандартизированные ритуальные модули: инвокации, именословия, жесты, графические сигналы в рукописях, предписания числа повторов и правил ношения или записи текста. Анализ ятрософий, евхологиев и славянских лечебных сборников показывает, что такие модули становятся переносимыми блоками, которые механически присоединяются к разным рецептам при сохранении технологической схемы приготовления и применения средств. С этой точки зрения эволюция рецепта описывается не как переход от «чистого вещества» к «чистому слову», а как усложнение модульной конструкции, где вещественная и словесно-ритуальная части действуют согласованно.

Практическим следствием такого подхода становится возможность читать рукописный рецепт как технологическую диаграмму: фиксировать не только набор ингредиентов, но и графику текста, последовательность операций, температурные и временные режимы, сигналы остановки и проверки. Это позволяет по-новому описывать границы вариативности рецепта (что можно менять без потери эффекта, а что является «жёстким ядром») и объяснять, почему рецепты сохраняют узнаваемость при переходе между языками, профессиональными контекстами и книжными традициями.

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать врачебный рецепт как исторически изменчивую, но структурно устойчивую модульную конструкцию. На античном материале показано, что в её центре лежит фармакологическое ядро – набор веществ, операций и проверяемых признаков результата, описанных в рационально-инструктивных терминах. Позднеантичная и византийская традиции демонстрируют постепенное наращивание поверх этого ядра стандартных словесно-ритуальных модулей (молитвы, заклинания, именословия, жесты, графические маркеры), которые не вытесняют технологию, а задают режим её исполнения и социальную валидизацию.

Предложенный подход уточняет представление о «рациональности» античной и средневековой медицины. Сакрализация рецептуры предстает не как отказ от опыта и техники, а как способ поддержать их передачу и применение в новых культурных условиях. Модульное описание рецепта, в свою очередь, открывает возможность для сопоставительных исследований греческих, латинских и славянских корпусов, а также для более точной реконструкции практик приготовления и использования лекарств по рукописным источникам.

Материалы исследования | Research materials

1. Aetius of Amida. *Aetii Medici Graeci Contractae ex Veteribus Medicinae Sermones XVI* / пер. с лат. и ред. J. Cornarius. Venetiis, 1549. Lib. VIII. Cap. L (50). F. 435r.
2. Alexander of Tralles. *Original-Text und Übersetzung nebst einer einleitenden Abhandlung. Ein Beitrag zur Geschichte der Medicin: in 2 Bdn.* / hrsg. von T. Puschmann. Wien: Wilhelm Braumüller, 1879. Bd. 2.
3. Celsus Aulus Cornelius. *De Medicina* / ed., transl. W. G. Spencer. L. – Cambridge: Heinemann; HUP, 1938. Vol. II (Books 5-6).
4. Crisafulli V. S., Nesbitt J. W. *The Miracles of St. Artemios: A Collection of Miracle Stories by an Anonymous Author of Seventh-Century Byzantium*. Leiden – N. Y. – Köln: Brill, 1997.
5. Dagron G., Déroche V. *Miracles de saint Artème. Texte grec, traduction et commentaire*. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1989.
6. Delehay H. *Les légendes grecques des saints médecins Côme et Damien*. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1933.
7. Delehay H. *Vie, passion et miracles de saint Pantéléimon (BHG 1508-1511)* // *Analecta Bollandiana*. 1909. T. 28.
8. Dioscorides. *De materia medica* / transl. Lily Y. Beck; intro. J. Scarborough. Hildesheim – Zurich – N. Y.: Olms-Weidmann, 2005.
9. *Euchologion sive Rituale Graecorum*. 2nd ed. / ed. R. P. Jacobus. Goar – Venetiis: Ex typ. Bartholomaei Javarina, 1730.
10. Galen. *De compositione medicamentorum per genera* // *Galenus Cl. Opera Omnia* / ed. K. G. Kühn. Leipzig, 1826-1830. Vol. 13.
11. Galen. *Method of Medicine*. Cambridge, MA: Harvard University Press (Loeb), 2011. Vol. I. Books 1-4.
12. Galen. *Galen on Food and Diet* / transl. by Mark Grant. L. – N. Y.: Routledge, 2000.
13. Hippocrates. *Volume VIII: ... Ulcers. Haemorrhoids and Fistulas* / ed., transl. P. Potter. Cambridge – L.: HUP, 1995.
14. *Miracula Sancti Artemii* // Papadopoulos-Kerameus A. *Varia Graeca Sacra*. St. Petersburg, 1909.
15. Oribasius. *Collectionum Medicarum Reliquiae* / ed. J. Raeder. Leipzig: Teubner, 1928-1933.
16. Παπαδογιαννάκης, Ν. Ε. *Κρητικό ιατροσόφιο του 19ου αιώνα / έκδοση, εισαγωγή, σημειώσεις Νικόλαος Ε. Παπαδογιαννάκης. Ρέθυμνο: Ιστορική και Λαογραφική Εταιρεία Ρεθύμνης; Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Ρεθύμνης*, 2001.
17. Paulus Aegineta. *The Seven Books of Paulus Aegineta* / transl. F. Adams. L.: Sydenham Society, 1847. Vol. III.
18. Pseudo-Apuleius. *Herbarius* // Antonii Musae *De herba Vettonica liber, Pseudoapulei Herbarius, Anonymi De taxone liber, Sexti Placiti Liber medicinae ex animalibus, etc.* / ed. E. Howald, H. E. Sigerist. Leipzig – Berlin: Teubner, 1927.
19. Sammonicus Quintus Serenus. *Liber medicinalis* / ed. F. Vollmer. Lipsiae, 1916.
20. *The Greek Magical Papyri in Translation, Including the Demotic Spells*. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1986.
21. *The Greek Magical Papyri in Translation, Including the Demotic Spells*. 2nd ed. / ed. H. D. Betz. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1992.
22. Wallis Budge E. A. *Syrian Anatomy, Pathology and Therapeutics; or, "The Book of Medicines": in 2 vols.* L.: OUP, 1913. Vol. 1-2.
23. Zipser B. *John the Physician's Therapeutics: A Medical Handbook in Vernacular Greek*. Leiden – Boston: Brill, 2009.

Источники | References

1. Яцимирский А. И. К истории ложных молитв в южнославянской письменности // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1913. Т. 18. № 4.
2. Цибранска-Костова М. Български епитимийник от XV-XVI век. София, 2011.
3. Asad D., Druille P. The Syriac Christianization of a Medical Greek Recipe: From Barbaros Hera to the "Apostles' Ointment" // *Studia Ceranea*. 2021. Vol. 11.
4. Cibranska-Kostova M., Mircheva E. Zaikovski trebnik ot XIV vek. Iztsledvane i tekst. Sofia, 2012.
5. Craik E. M. The 'Hippocratic' Corpus: Content and Context. L. – N. Y.: Routledge, 2015.
6. Crisafulli V. S., Nesbitt J. W. The Miracles of St. Artemios: A Collection of Miracle Stories by an Anonymous Author of Seventh-Century Byzantium. L. – N. Y. – Köln, 1997.
7. Debru A. Galen on Pharmacology: Philosophy, History and Medicine. Leiden – N. Y.: Brill, 1997.
8. Eijk P. J. van der. Medicine and Philosophy in Classical Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
9. Jouanna J. Hippocrates. Baltimore – L.: Johns Hopkins University Press, 1999.
10. Lehmann L., Martelli M. Collecting Recipes: Byzantine and Jewish Pharmacology in Dialogue. Berlin – Boston: De Gruyter, 2017.
11. Lloyd G. E. R. In the Grip of Disease: Studies in the Greek Imagination. Oxford: Oxford University Press, 2003.
12. Nutton V. Ancient Medicine. 2nd ed. L. – N. Y.: Routledge, 2012.
13. Nutton V. Style and Context in the Method of Healing // Galen's Method of Healing / eds. F. Kudlien, R. J. Durling. Leiden – N. Y., 1991.
14. Oberhelman S. M. Iatrosophia and an Eighteenth-Century Oneirokritēs in the National Library of Greece // *Medicina nei Secoli: Arte e Scienza*. 2009. Vol. 21. № 2.
15. Oberhelman S. M. The Power of the Word in Early Modern Greek Medical Texts. Athens: Athens Institute for Education and Research, 2012. № HIS2012-0307.
16. Oberhelman S. M. Toward a Typology of Byzantine and Post-Byzantine Healing Texts // *Athens Journal of Health*. 2015. Vol. 2. № 2.
17. Παπαδάκης, Κ. Ηλ. Λαϊκή πίστη και λατρεία: Άγιοι θεράποντες με ειδικό χάρισμα ιαμάτων. Προστάτες, έφοροι και επόπτες της Ορθόδοξου Ελληνικής Εκκλησίας / Κωστής Ηλ. Παπαδάκης. Αθήνα: Γρηγόρης, 2018.
18. Rupprecht E. Cosmae et Damiani sanctorum medicorum vitam et miracula e codice Londinensi / ed. E. Rupprecht. Berlin: Junker und Dünhaupt, 1935.
19. Scarborough J. Roman Medicine and Pharmacology // *ANRW II*. 37.3. Berlin – N. Y.: de Gruyter, 1996.
20. Scarborough J. Pharmacy and Drug Lore in Antiquity: Greece, Rome, Byzantium. Farnham – Burlington: Ashgate (Variorum), 2010.
21. Staden H. von. Herophilus: The Art of Medicine in Early Alexandria. Edition, Translation and Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
22. Temkin O. Galenism: Rise and Decline of a Medical Philosophy. Ithaca – N. Y.: Cornell University Press, 1973.
23. Totelin L. Botanical knowledge in Hellenistic and Roman medicine // *Studies in History and Philosophy of Science. Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 2007. Vol. 38. № 3.
24. Totelin L. Hippocratic Recipes: Oral and Written Transmission of Pharmacological Knowledge in Fifth- and Fourth-Century Greece. Leiden – Boston: Brill, 2009.
25. Touwaide A. Byzantine medical manuscripts: Toward a new catalogue // *Byzantinische Zeitschrift*. 2008. Vol. 101. № 1.
26. Touwaide A. Byzantine Medical Manuscripts: Towards a New Catalogue, with a Specimen for an Annotated Checklist of Manuscripts Based on an Index of Diels' Catalogue. Byzantium, 2009. Vol. 79.
27. Touwaide A. Byzantine Pharmacology // *A Companion to Byzantium* / ed. L. James. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
28. Touwaide A. A Census of Greek Medical Manuscripts: From Byzantium to the Renaissance. L. – N. Y.: Routledge, 2016.

Информация об авторах | Author information

Ожирельев Николай Валерьевич¹¹ Тюменский государственный университетNikolai Valeryevich Ozhirelyev¹¹ Tyumen State University¹ 754979@qmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.10.2025; опубликовано online (published online): 18.12.2025.

Ключевые слова (keywords): античная и византийская рецептура; модульная структура рецепта; фармакологическое ядро; сакрализация врачебного рецепта; межъязыковая миграция формул; ancient and Byzantine prescriptions; modular structure of prescriptions; pharmacological core; sacralization of medical prescriptions; interlinguistic migration of formulas.